

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.133-148

А. А. Карпова*

Процессуальная акцентуация порядка исчисления периода оспаривания подозрительных сделок, его правоприменительная эволюция и потребность в изменении правового регулирования

Аннотация. Статья посвящена правовым проблемам и особенностям исчисления периода подозрительности применительно к п. 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Несмотря на то что институт конкурсного оспаривания — популярный объект научных изысканий и правоприменительного совершенствования, один из аспектов темы остается фактически без внимания и касается подходов к исчислению периода оспаривания сделок должника. Между тем изменение настроек правового регулирования по, казалось бы, малозаметному аспекту могло бы разрешить ряд сопутствующих проблем в заявленной сфере. Автор изучает положения законодательства РФ, правоприменительные особенности определения периода оспаривания сделок, исторический контекст, зарубежный опыт, а также актуальную практику Судебной коллегии Верховного Суда РФ по экономическим спорам по поставленному вопросу, выявляет серьезный дисбаланс между правовой нормой и практикой ее применения, а также предлагает пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); подозрительные сделки; период подозрительности; фраздаторные сделки; признание оспоримой сделки недействительной; конкурсное оспаривание; вне-конкурсное оспаривание.

Для цитирования: Карпова А. А. Процессуальная акцентуация порядка исчисления периода оспаривания подозрительных сделок, его правоприменительная эволюция и потребность в изменении правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 3. — С. 133–148. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.133-148.

© Карпова А. А., 2025

* Карпова Анастасия Алексеевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Российская Федерация, 410028
anastasia.a.karpova@gmail.com

Procedural Accentuation of the Procedure for Calculating the Period for Challenging Suspicious Transactions, its Law Enforcement Evolution and the Need to Change Legal Regulation

Anastasia A. Karpova, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Arbitrazh Procedure, Advocacy and Notary Services, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
anastasia.a.karpova@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to legal issues and peculiarities of calculating the period of suspicion in relation to paragraph 2 of Article 61.2 of the Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)». Despite the fact that the institution of competitive challenge is a popular subject matter of scientific research and law enforcement improvement, one aspect of the topic remains virtually unaddressed and concerns approaches to calculating the period for challenging the debtor's transactions. Meanwhile, changing the settings of legal regulation on a seemingly inconspicuous aspect could resolve a number of related problems in the declared area. The author studies the provisions of the Russian Federation legislation, law enforcement features of determining the period for challenging transactions, the historical context, foreign experience, as well as the current practice of the Judicial Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation for economic disputes on the issue raised, identifies a serious imbalance between the legal norm and the practice of its application, and suggests ways to solve the identified problems.

Keywords: insolvency (bankruptcy); suspicious transactions; period of suspicion; fraudulent transactions; recognition of a voidable contract as invalid; competitive challenge; non-competitive challenge.

Cite as: Karpova AA. Procedural Accentuation of the Procedure for Calculating the Period for Challenging Suspicious Transactions, its Law Enforcement Evolution and the Need to Change Legal Regulation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):133-148. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.133-148.

Постановка проблемы

Одним из условий успешного оспаривания подозрительной сделки в деле о несостоятельности (банкротстве), согласно п. 1 и 2 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее — Закон о банкротстве), является ее совершение в рамках определенного периода, именуемого периодом подозрительности. Он исчисляется с даты принятия заявления о признании должника банкротом и составляет в его ретроспективной части для неравноценных сделок (п. 1 ст. 61.2) один год, а для сделок, совершенных с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов (п. 2 ст. 61.2), — три года (либо после принятия заявления о несостоятельно-

сти (банкротстве)). В рамках статьи речь пойдет только о ретроспективной части искомого периода.

Как видим, любая из вышеуказанных сделок может быть оспорена по специальным основаниям законодательства о несостоятельности (банкротстве) только тогда, когда она находится в пределах этого срока, который определяется с учетом даты наступления состава процессуальных юридических фактов (возбуждения производства по делу о несостоятельности (банкротстве))². Так, сама вероятность признания подозрительной сделки недействительной поставлена в зависимость от срока, определяемого нормами арбитражного процессуального закона.

Сделки, предусмотренные положениями ст. 61.2 Закона о банкротстве, являются оспо-

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² С. А. Карелина полагает, что «необходимо различать два процессуальных действия, а именно: во-первых, это поступление заявления о признании должника банкротом в арбитражный суд, во-вторых, принятие заявления о признании должника банкротом... датой принятия заявления о признании должника банк-

римыми. Однако, если сделка не находится в пределах периода подозрительности, но, по сути, отвечает всем иным требованиям, необходимым для признания ее недействительной по нормам п. 1 или 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в удовлетворении заявления о признании ее недействительной на основании положений одного из соответствующих пунктов ст. 61.2 Закона о банкротстве будет отказано.

Получается, что недействительность оспори-мой сделки поставлена в зависимость от условия ее нахождения во временном диапазоне, исчисляемом в соответствии с нормами процессуального права³.

Важно, что указанный процессуальный состав представляет собой совокупность юридических процессуальных действий (подача лицом (должником или кредитором) заявления о несостоятельности (банкротстве) и принятие арбитражным судом данного заявления), а это значит, что, ввиду его производности от воли заинтересованных лиц, на него можно влиять (изменять дату наступления). Например, недобросовестный должник, преследующий цель сокрытия каких-то сделок от правосудия, вполне может представить в арбитражный суд неполноценное заявление о своем банкротстве. Соответственно, арбитражный суд оставит данное заявление без движения, при этом указанный срок оставления без движения может продлеваться, впоследствии заявление может быть возвращено и повторно подано должником через небольшой промежуток времени. Если заявление было подано кредитором, а недобросовестный должник не в полной мере

успел скрыть все свои подозрительные сделки, требование кредитора может быть погашено, а производство по делу прекращено и т.д.⁴

Возникает вопрос, а как, собственно, быть с оспоримыми сделками, оказавшимися в подобной «серой зоне», сфабрикованной недобросовестным лицом посредством использования процессуально-правового инструментария, то есть условно в периоде времени, на который было оставлено заявление недобросовестного должника о своей несостоятельности (банкротстве) без движения, либо в периоде между одним или несколькими поданными и принятыми к производству заявлениями о признании должника банкротом и прекращенными производствами по делу о несостоятельности (банкротстве). Формально, если исходить из императивности положений норм п. 1–2 ст. 61.2 Закона о банкротстве в части срока, определяющего период подозрительности, такие оспоримые сделки останутся в статусе действительных (при отсутствии иных оснований для признания сделок недействительными).

По сути, тумблер, переводящий действительность сделки в недействительность, находится в настоящее время под влиянием должников, добросовестность многих из которых за прошедшие десятилетия развития конкурсного права в России под вопросом.

Так, в одном из обособленных споров в рамках дела № А55-17180/20 (постановление АС Поволжского округа от 21.11.2023) финансовому управляющему было отказано в признании оспоримой сделки недействительной, в полном объеме отвечающей положениям

ротом следует считать дату вынесения определения об этом» (Карелина С. А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4).

³ Небезынтересно писал о соотношении права кредитора требовать опровержения сделки должника и факта объявления несостоятельности В. Эндеман: «Право требовать уничтожения силы совершенных должником действий приобретает открытием конкурсного производства, но оно не вытекает непосредственно из существа объявления несостоятельности, объявление несостоятельности является только поводом к опровержению, которое основывается на причинах, предшествующих этому моменту» (цит. по: Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. Казань : Типография Императорского университета, 1898. С. 268).

⁴ Указанные проблемы уже анализировались другими авторами; см., например: Кузлугуртова А. Ш. Искусственное изменение периода подозрительности по делам о банкротстве в практике Верховного Суда РФ // Вестник арбитражной практики. 2021. № 5. С. 41–45.

п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в связи с тем что сделка не попала в период подозрительности, в то время как первоначально заявление должника о своем банкротстве было оставлено без движения, и сделка могла бы быть включена в период подозрительности при условии принятия заявления должника в пятидневный срок со дня его подачи. В частности, заявление о банкротстве было подано должником 7 июля 2020 г., однако не содержало всех необходимых приложений, арбитражным судом продлевался срок оставления заявления без движения (в связи с просьбой должника-заявителя), в итоге оно было принято к рассмотрению, а дело о несостоятельности (банкротстве) возбуждено только в 28 сентября 2020 г. При правильном же оформлении заявления со стороны должника изначально оно было бы принято арбитражным судом к производству 14 июля 2020 г. и оспариваемая сделка от 20 июля 2017 г. находилась бы в зоне видимости периода подозрительности. Примечательно, что, в соответствии с российской системой оспаривания, существовавшей до вступления в силу Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ и введения в Закон о банкротстве главы III.1 «Оспаривание сделок должника», предусматривалось, что период оспаривания преференциальных и корпоративных сделок исчислялся ретроспективно именно с даты подачи заявления о несостоятельности (п. 4, 5 ст. 103 Закона о банкротстве в прежней редакции).

Соответственно, если исчислять период подозрительности с даты подачи заявления о банкротстве должника, сделка из вышеуказанного примера будет признана недействительной, а если исчислять тот же период с даты возбуждения производства по делу — в признании сделки недействительной будет отказано. В имущественном выражении речь шла о реализованном супругой должника совместном имуществе по семикратно заниженной цене в

пользу аффилированного лица, то есть масштаб экономически выраженных последствий для кредиторов должника в разнице подсчета периода очевиден.

В данном случае процессуальный состав возбуждения производства по делу — реперная точка исчисления ретроспективного срока — играет роль нормативного условия недействительности сделки. Столь жесткая акцентуация и привязка вопроса недействительности сделки к сроку, исчисляемому в соответствии с процессуальным законодательством, видится неоправданной.

Далее следует предпринять попытку доказать, что подобная процессуальная формализация самого механизма конкурсного оспаривания фраздаторных сделок является неверной и смещение акцентов в этом, казалось бы, незначительном вопросе может повлечь за собой благоприятные изменения.

Ситуация, сложившаяся в правоприменении п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве

Невозможно ошибиться, если утверждать, что основная тенденция в настоящее время состоит в том, что лица, оспаривающие подозрительные сделки, оставшиеся за границами периода подозрительности, указывают в заявлении о недействительности дополнительно очень популярную у практикующих юристов связку норм ст. 10 и 168 (п. 2) ГК РФ.

Но и это не является перспективным выходом из сложившейся ситуации, поскольку до настоящего времени развитой судебной практики по реальному оспариванию сделок по основаниям ст. 10 и 168 (п. 2) ГК РФ с разъяснением на конкретных примерах, как разграничить составы недействительности п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и ст. 10, 168 (п. 2) ГК РФ в рамках конкурсного оспаривания, не имеется⁶.

Среди авторитетных ученых-цивилистов с давних пор идет дискуссия о соотношении норм

⁵ СЗ РФ. 2009. № 18 (ч. I). Ст. 2153.

⁶ О редких примерах судебных актов, в которых недействительные сделки в рамках несостоятельности (банкротства) могут быть признаны ничтожными по ст. 10, 168 ГК РФ, см.: *Лотфуллин Р. К.* Оспаривание сделок при банкротстве. М., 2019. С. 147.

ст. 10 и 168 (п. 2) ГК РФ и ст. 61.2 (п. 2) Закона о банкротстве⁷.

Как указывает А. В. Егоров, Пленум ВАС РФ, разъясняя в п. 4 постановления от 23.12.2010 № 63⁸ о том, что наличие специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных в Законе о банкротстве, само по себе не препятствует квалификации сделки как ничтожной по общегражданским основаниям (ст. 10 и 168 ГК РФ), «имел в виду собственный подход, выработанный в 2009 г. в отношении прежней редакции Закона о банкротстве», которого придерживался вплоть до завершения своей деятельности. «Например, 11 февраля 2014 г. Президиум ВАС РФ отменил судебные акты по делу № А19-2903/2010 Арбитражного суда Иркутской области и отправил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, применив связку ст. 10 и 168 ГК РФ в отношении сделок в ущерб кредиторам. Однако в практике Верховного Суда РФ в последнее время набирает силу тенденция, согласно которой для признания подозрительных сделок ничтожными по ст. 10 и 168 ГК РФ нужно установить какие-то дополнительные, сверхзначительные нарушения, чем просто намерение причинить ущерб кредиторам»⁹.

По мнению Е. Д. Суворова, сделка в ущерб интересам кредиторов — разновидность злоупотребления правом¹⁰.

В. Ю. Калугин отмечает, что «сегодня в судебной практике регулярно возникают ситуации, когда лица, оспаривающие сделку, ссылаются

исключительно на общие основания ее оспаривания, но при этом в качестве фактических обстоятельств обычно приводят доводы, характерные для оспаривания сделки по специальным основаниям»; подчеркивает, что гражданское законодательство не содержит каких-то разъяснений касательно того, как именно разрешить сложившуюся коллизию общих и специальных норм. Ответ на данный вопрос отсутствует и в разъяснениях высших судов. Однако, по мнению автора, «применение для оспаривания сделок в деле о банкротстве общих положений ст. 10, 168 ГК РФ противоречит законодательству и общим положениям о недействительности сделок»¹¹.

Действительно, при обращении к судебной практике увидим, что чаще всего, если подозрительная сделка не попала в период подозрительности, в удовлетворении требования о признании сделки недействительной по заявленной конфигурации норм ст. 10 и 168 (п. 2) ГК РФ отказывают посредством устоявшейся фразы: *квалификация сделки, причиняющей вред, по ст. 10 и 168 ГК РФ возможна только в случае выхода обстоятельств ее совершения за рамки признаков подозрительной сделки, а заявитель таковых доводов не представил*. Эта фраза неоднократно встречается в определениях судебной коллегии ВС РФ по экономическим спорам¹².

В определении от 06.03.2019 № 305-ЭС18-22069 по делу № А40-17431/2016 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ

⁷ Например, данный вопрос обсуждался на научно-практической конференции 18 декабря 2019 г. «Оспаривание сделок при банкротстве», организованной онлайн-школой для юристов «Лекториум». См.: URL: <https://civilistclub.ru/events/tproduct/225909811-144875924366-18-dekabrya-2019-osparivanie-sdelok-pri> (дата обращения: 27.05.2024).

⁸ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 3.

⁹ Егоров А. В. Подозрительные сделки в банкротстве и до него // URL: <https://lexorium.com/news/podozritelnye-sdelki-v-bankrotstve-i-do-nego.html> (дата обращения: 27.05.2024).

¹⁰ Суворов Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 440.

¹¹ Калугин В. Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 110–112.

¹² См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.02.2023 № 305-ЭС22-20515 по делу № А40-118601/2020 ; определение Судебной коллегии по эконо-

непосредственно указывает на причины сформированной позиции: «оспаривание сделки по ст. 10 и 168 ГК РФ по тем же основаниям, что и в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, открывает возможность для обхода сокращенного срока исковой давности, установленного для оспариваемых сделок, и периода подозрительности, что явно не соответствует воле законодателя».

Соответственно, по логике правоприменителя, фраздаторная сделка в рамках конкурсного оспаривания должна быть восприимчива к правовому регулированию строго по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве из-за риска обхода норм о сроках исковой давности и периоде подозрительности.

При этом какого-то разнообразия кейсов, позволяющих уяснить, какие именно признаки сделки дают основания признать ее недействительной по основаниям ст. 10 и 168 ГК РФ, в последние годы не наблюдается, то есть какие именно обстоятельства совершения сделки выходят за рамки признаков ее подозрительности, остается, как правило, неизвестным.

Так, Р. К. Лотфуллин обоснованно указывает, что ни законодательством, ни судебной практикой не установлено какого-либо универсального и объективного критерия, позволяющего суду при рассмотрении любых обособленных споров вне зависимости от фактических обстоятельств дела производить бесспорное и однозначное разграничение состава недействительности сделки по ст. 10 ГК РФ и недействительности сделки по ст. 61.2 Закона о банкротстве¹³.

Складывается печальная ситуация, когда арбитражный управляющий (конкурсный кредитор) в попытке признать откровенно фраздаторную сделку из «серой зоны» недействительной, обращается к гражданско-правовым

основам ст. 10 и 168 ГК РФ, но это не приводит к положительному результату.

Соответственно, при наличии такого строгого разграничения специальных и основных составов недействительности не менее важна правоприменительная лояльность толкования нормы о периоде подозрительности с учетом каждого конкретного дела и его особенностей, то есть необходима дискреция в рассматриваемом вопросе, что позволит решить проблему правовой неопределенности недействительных сделок, не включенных в период подозрительности формально, но отвечающих всем иным условиям признания их недействительными по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Исторический контекст

Рассуждая о соотношении интересов кредиторов должника и третьих лиц, которые приобрели его имущество, Г. Ф. Шершеневич полагал самой сложной именно эту задачу — «согласовать интересы различных претендентов на имущество несостоятельного должника с интересами общественного кредита»¹⁴, что подразумевало под собой также необходимость определения правильной даты, от которой можно рассчитать период оспаривания сделок должника.

При этом он признавал неверным исчисление периода оспаривания от прекращения платежей до открытия конкурсного производства (как это было распространено в законодательствах того времени), поскольку «этот промежуток времени представляется крайне неравномерным. Объявление о несостоятельности может следовать непосредственно за прекращением платежей, на расстоянии двух,

мическим спорам Верховного Суда РФ от 08.02.2023 № 305-ЭС21-8027(7) по делу № А40-225341/2019 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.11.2023 № 306-ЭС23-14897 по делу № А65-24538/2020.

За прошедшие годы накопился огромный пласт судебных постановлений по данному вопросу (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.06.2014 № 10044/11 по делу № А32-26991/2009 ; определения Верховного Суда РФ от 28.04.2016 № 306-ЭС15-20034 ; от 29.04.2016 № 304-ЭС15-20061 ; от 31.08.2017 № 305-ЭС17-4886).

¹³ Лотфуллин Р. К. Указ. соч. С. 146.

¹⁴ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 262.

трех дней. Оно может отдаляться от него значительным пространством времени в несколько месяцев и несколько лет». На этом основании Г. Ф. Шершеневич отмечал стремление законодательств «заключить в известные границы тот период деятельности несостоятельного должника, когда его действия становятся подозрительными и способными к опровержению»¹⁵.

Нельзя остаться равнодушным к описанию Г. Ф. Шершеневичем особенностей регулирования данного вопроса в английском праве: «обратное действие несостоятельности начинается не с момента ее объявления, а со времени события, признанного законом за выражение несостоятельности, если только оно произошло не далее чем за три месяца до наступления просьбы об открытии конкурсного производства, считая от этого времени назад на два года, закон признает недействительными отчуждения, произведенные несостоятельным должником». Применительно к сделкам, совершенным с умыслом причинить вред кредиторам, ущерб, с учетом осведомленности третьего лица об их цели, Г. Ф. Шершеневич указывал, что «они не могут пользоваться такими ограничениями»¹⁶. Для ряда отчуждений был установлен 10-летний период опровержения¹⁷.

Здесь можно отметить прекрасное воплощение идеи о неправильности постановки начальной даты периода подозрительности в зависимость от воли субъекта и необходимости максимального объективирования исходного момента периода: привязки не к моменту объявления, а к *событию*, выражающему несостоятельность по норме закона.

Французская система конкурсного оспаривания подразумевала три варианта исчисления периода оспаривания: 1) до прекращения пла-

тежей или за 10 дней перед ним¹⁸; 2) от прекращения платежей или 10 дней перед ним до объявления несостоятельности; 3) от объявления несостоятельности. Примечательно, что действия, совершенные в первый период, сохраняют юридическую силу, за исключением случаев, совершенных умышленно в ущерб кредиторам; в рамках этой группы сделок могут быть оспорены: безвозмездные сделки, платежи по непросроченным обязательствам, исполнение по просроченным обязательствам неустановленными способами, установление ипотечного или залогового права по сделкам, заключенным ранее¹⁹. Здесь очевидно, что установлена система градации и объективации при исчислении периода подозрительности в зависимости от момента совершения сделки и ее обстоятельств.

Немецкая система конкурсного оспаривания устанавливала также три группы периодов для опровержения действий должника: 1) до прекращения платежей; 2) от прекращения платежей, или за 10 дней до этого, или от заявления просьбы об открытии конкурсного производства до объявления несостоятельности; 3) от объявления несостоятельности. Акцент здесь, пожалуй, важно поставить на том, что в рамках первого периода оспаривания могут опровергаться действия, которые совершены заведомо и явно с целью причинения вреда кредиторам при условии, что контрагент должника знал о таком умысле²⁰.

Как указывал Г. Ф. Шершеневич, исходный момент второго периода является неопределенным, это может быть или прекращение платежей, или открытие конкурсного производства, или 10-й день до прекращения платежей. Такое разнообразие, по его мнению, не могло быть одобрено²¹.

¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 269.

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 270.

¹⁷ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 285.

¹⁸ Подробнее о разграничении сделок внутри первой группы в рамках торговой несостоятельности см.: Гримм Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) // Вестник гражданского права. 2010. № 4. С. 126–191.

¹⁹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 273–276.

²⁰ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 277–278.

²¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 279.

Ну и, наконец, русская система оспаривания не отличалась логичностью, стройностью и ясностью («не существует никакого общего плана», «постановления русского законодательства» являются «отрывочными и разрозненными»²²). Как писал Г. Ф. Шершеневич, «вопрос о силе юридических действий, отчуждений и сделок, совершенных несостоятельным должником до открытия конкурсного производства, составляет большое место русского законодательства»²³.

Для безвозмездных отчуждений (в пользу супруга или также детей и родственников в случае торговой несостоятельности) устанавливался срок — 10 лет до объявления несостоятельности²⁴. Вместе с тем применительно к возмездным отчуждениям, а также к отчуждениям, квалифицируемым как подложное переукрепление имущества (п. 2 ст. 1529 ч. 1 т. 10 Свода законов Российской империи²⁵), отсутствует регулирование относительно «исходного момента опровержения действий — прекращения платежей», что, по мысли Г. Ф. Шершеневича, приводит к отсутствию какой-либо опоры для кредиторов при доказывании осведомленности должника о последствиях совершения сделки²⁶.

Примечательно, что в Законе от 03.07.1916 об оспаривании сделок, совершенных должниками во вред кредиторам²⁷, которым вносились дополнения и примечания в ст. 1529 Свода законов Российской империи в виде правил об оспаривании сделок, совершенных должниками во вред кредиторам²⁸, предусматривался пятилетний период до объявления несостоятельности для оспаривания безвозмездных сделок,

при этом сделки, совершенные должником с намерением причинить вред кредиторам и осведомленностью контрагента должника о таком намерении, подлежали оспариванию вне конкретного нормативно определенного периода.

Однако, по мнению Д. Д. Гримма, «общее сокращение давностного срока для всех случаев оспаривания фраздаторных актов должников не представляется достаточно обоснованным». В тех случаях, когда и должник и его контрагент действовали недобросовестно, такое сокращение не может быть оправдано²⁹.

Безусловно, нельзя не признать, что проблема верной идентификации и исчисления периода подозрительности не может быть разрешена поверхностно точным определением его начальной даты и установлением четкого срока. Проблема имеет более глубокий подтекст, связанный, как было указано выше отсылкой к позиции Г. Ф. Шершеневича, с поиском баланса в интересах должника, кредиторов и лиц — приобретателей имущества должника с поиском золотой середины для учета интересов кредиторов и третьих лиц, обеспечения стабильности гражданского оборота.

Так, А. Х. Гольмстен обращал внимание на существующую опасность для прочности гражданского оборота на примере безвозмездных сделок, оправдывая существование законодательно определенного короткого срока для их оспаривания: «не будь этого срока, можно было бы с совершенной легкостью опровергать все дарственные акты, когда-либо совершенные

²² Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 286.

²³ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 286.

²⁴ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 288–289.

²⁵ Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. Изд. 1900 г. С. 130–131. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x/ (дата обращения: 27.05.2024).

²⁶ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 293.

²⁷ См.: Закон от 03.07.1916 об оспаривании сделок, совершенных должниками во вред кредиторам // Библиотека «Банкротного клуба». URL: <https://bankruptclub.ru/2020/01/29/%d0%b7%d0%b0%d0%ba%d0%be%d0%bd-03-%d0%b8%d1%8e%d0%bb%d1%8f-1916-%d0%b3/> (дата обращения: 27.05.2024).

²⁸ Подробнее о данном законе см.: Крутий Е. А. Институт внеконкурсного оспаривания сделок, совершенных должником в ущерб интересам кредиторов: история становления в России // Вестник Ивановского государственного университета. 2020. № 2. С. 26–34.

²⁹ Гримм Д. Д. Указ. соч. С. 126–191.

должником, признав их убыточными для кредитора, хотя бы они и были совершены *sine animo fraudandi* (без намерения причинить вред)»³⁰.

Между тем о проблеме соотношения указанных интересов Х. Коциоль писал, что, «как только наступает экономическая несостоятельность и тем самым, как правило, особенно опасная ситуация для кредиторов, требования для оспоримости снижаются; интересы кредиторов о получении максимально полного удовлетворения их требований учитываются в большей мере, чем интересы третьих лиц о сохранении ими полученного. Это соответствует признанному также в регулировании возмещения вреда принципу, согласно которому чем сильнее подвергаются рискам интересы других лиц, тем каждый принимает на себя большее ограничение своей свободы действий»³¹.

Таким образом, попытка познания заявленной проблемы на более глубоком уровне цивилистических изысканий может лишь подтвердить первоначально сделанное предположение о том, что период подозрительности не всегда и не константно во всех делах должен определяться четким сроком с привязкой к определенной дате.

Современные подходы к исчислению периодов подозрительности³²

В современном законодательстве Германии оспаривание действий должника с причинением имущественного вреда кредиторам регулируется § 133 Положения ФРГ о несостоятельности, в котором установлен 10-летний период до подачи заявления о признании должника несостоятельным. В соответствии с абз. 2 § 133 Положения ФРГ о несостоятельности предусмотрен двухгодичный период оспаривания возмездной сделки, совершенной с лицами из близкого окружения должника. В § 134 Положения ФРГ о несостоятельности установлен четырехлетний период оспаривания безвозмездных действий (для этого состава не используются субъективные коррективы, а только безвозмездность)³³.

Английская версия иска восходит к Акту 1571 эпохи Елизаветы, который, несмотря на последующие изменения в Англии, применяется в некоторых странах английской юрисдикции и предусматривает возможность оспорить любую передачу прав, сделанную с намерением обмана кредиторов, по заявлению любого лица, которому нанесен ущерб, с неограниченным периодом подозрительности. Впоследствии данный статут был изменен и переработан в 1925 г., а затем в 1986 г. с аналогичным смыслом³⁴. Так, период оспаривания сделок, совершенных с

³⁰ Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А. Г. Смирных. М., 2019. С. 80–81.

³¹ Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 3. С. 238–239.

³² Поскольку в большей степени для целей статьи интересны периоды подозрительности для умышленных сделок с причинением вреда кредиторам, следует посмотреть на регулирование именно данного вопроса применительно к некоторым другим зарубежным законодательствам, безусловно, принимая в расчет, что данный обзор является поверхностным и может не учитывать какие-то нюансы и детали (в том числе связанные с зависимостью величины периода подозрительности от наличия (отсутствия) института внеконкурсного оспаривания в конкретной юрисдикции, взаимосвязи субъективных и объективных критериев оспаривания, а также — более глобально — степени развитости экономики конкретной юрисдикции, что тоже немаловажно).

³³ Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018.

³⁴ Подробнее об историческом развитии см.: Wood P. R. Principles of International Insolvency. P. 2. London: Sweet & Maxwell. 2007. Art. 17–019. URL: <https://southsquare.com/articles/avoidance-provisions-in-england-and-australia-a-historical-introduction/> (дата обращения: 27.05.2024).

обманом кредиторов, согласно Закону 1986 г. в настоящее время не ограничен, за исключением обычных сроков исковой давности безотносительно к несостоятельности³⁵.

В испанском законе период подозрительности для мошеннических сделок составляет четыре года до объявления несостоятельности³⁶.

В Федеральном законе о взыскании долгов и банкротстве Швейцарии (ст. 288) период подозрительности для злонамеренных сделок должника с умыслом причинения вреда составляет пять лет (до момента наложения ареста на имущество или открытия процедуры банкротства)³⁷.

В законе Лихтенштейна (ст. 67, 74) отсутствует период подозрительности для подобных сделок (оспаривание возможно «независимо от времени совершения»), однако предусмотрен срок исковой давности — пять лет от времени совершения сделки³⁸.

Согласно бельгийскому законодательству любые мошеннические сделки (платежи) в пользу кредиторов не имеют исполнительной силы независимо от того, когда они были произведены³⁹. В Венгрии сделки, направленные на обман кредиторов путем сокрытия имущества должника, могут быть оспорены в течение пяти лет, предшествующих дате подачи заявления об открытии ликвидационного производства (для сделок с неравноценной стоимостью период подозрительности составляет три года)⁴⁰.

Как следует из п. 188 Руководства ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности относительно периода подозрительности, «период подозрительности в большинстве законодательств оговаривается зачастую конкретно с определением

даты, начиная с которой такой период рассчитывается ретроактивно. Речь может идти об определенном числе дней или месяцев, предшествующих какому-либо конкретному событию или дате, например дате подачи заявления об открытии производства, фактической дате открытия производства по делу о несостоятельности или дате, объявленной по решению суда датой прекращения оплаты должником своих долгов в обычном порядке». При этом обращается особое внимание на возможную задержку между датой подачи заявления и открытием производства в ситуации, когда период подозрительности представляет собой фиксированный ретроактивный период, исчисляемый с даты открытия производства. Для предотвращения сложностей в подобных ситуациях рекомендовано исчислять период подозрительности с даты подачи заявления⁴¹.

В пункте 189 вышеуказанного Руководства отмечается, что во многих законодательствах вовсе не ограничивается срок оспаривания для сделок, связанных с совершением умышленных противоправных действий, либо установлен весьма длительный период подозрительности (от одного года до 10 лет). Кроме того, в п. 191 не исключается возможность судебного продления периода подозрительности (использование дискреционного подхода) применительно к сделкам, совершенным с намерением затруднить либо задержать действия кредиторов или воспрепятствовать им.

Как указывает М. В. Телюкина, в законодательствах тех стран, которые делают ставку на субъективный подход оспаривания (то есть при оспаривании учитывается субъективный

³⁵ Restructuring & Insolvency. Getting the Deal Through / by B. Leonard. P. 162.

³⁶ Restructuring & Insolvency. Getting the Deal Through. P. 403.

³⁷ URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/11/529_488_529/de#art_288 (дата обращения: 27.05.2024).

³⁸ Rechtssicherungs-Ordnung vom 9. Februar 1923 // URL: <https://www.gesetze.li/konso/1923008000> (дата обращения: 27.05.2024).

³⁹ Article XX.114 of the Code of Economic Law // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/2222778e.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).

⁴⁰ Article 424 of the Civil Code // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/2222778e.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).

⁴¹ URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/05-80724_ebook.pdf (дата обращения: 27.05.2024).

элемент — наличие умысла на причинение вреда), как правило, устанавливаются более длительные периоды подозрительности. Ученый соглашается с тем, что период подозрительности («вплоть до бесконечности») разумно удлинять в отношении сделок с доказанным намерением причинения вреда, при этом признает, что «имеющиеся в настоящее время нормы далеко не всегда предоставляют возможность оспорить сделки, признание которых недействительными целесообразно в целях защиты интересов кредиторов», отмечая, что в ее практике также встречалась ситуация, когда суд отказал в удовлетворении заявления о признании сделки, совершенной с прямой целью причинения вреда кредиторам, по тому основанию, что она совершена за рамками периода подозрительности⁴².

Таким образом, очевидно, что во многих юрисдикциях период оспаривания для сделок, совершенных с обманом и намерением причинения ущерба, либо превышает три года, либо вовсе отсутствует как объективный критерий. Безусловно, важно и то, что некоторые юрисдикции допускают возможность оспаривания сделок должника отдельными кредиторами вне процедур банкротства (внеконкурсное оспаривание), соответственно, необходимость длительного периода подозрительности в данном случае отсутствует как таковая, кредиторы сами

по себе обладают мощным инструментарием для оспаривания сделок, не ожидая открытия конкурсных процедур. В России, напротив, практика внеконкурсного оспаривания только набирает обороты, но в отсутствие необходимого законодательного регулирования⁴³, а период подозрительности для злонамеренных сделок должников по сравнению с юрисдикциями многих стран значительно короче. Важно и то, что в некоторых юрисдикциях период подозрительности привязан к дате подачи заявления об открытии конкурсных процедур.

Эволюция периода подозрительности в ретроспективный период оспаривания в практике Судебной коллегии ВС РФ по экономическим спорам

Впервые вопрос об особенностях исчисления периода оспаривания применительно к периоду предпочтительности по сделкам, требующим государственной регистрации обременения права и договора, был рассмотрен в одном из обособленных споров по делу № А56-71819/2012 (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.10.2016 № 307-ЭС15-17721(4)). Судебная коллегия напомнила, что ипотечное обременение и вытекающие из него последствия, в том числе связанные с включени-

⁴² Телюкина М. В. Механизм Actio pauliana как конкурсно-правовой способ защиты интересов кредиторов. Минск : Право и экономика, 2014. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38535188.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).

⁴³ В настоящее время продолжают развиваться институты внеконкурсного оспаривания в России. См., например: Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 818 (автор комментария — А. Г. Карапетов) ; Усачева К. А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 8–54 ; Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15 (2). С. 105–112.

Кроме того, встречаются важные разъяснения высших инстанций о допустимости оспаривания сделки в рамках внеконкурсного оспаривания. Например, пунктом 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»» предусмотрено право заинтересованного лица оспорить со ссылкой на ст. 168 (п. 2) и ст. 10 ГК РФ сделку должника, совершенную в нарушение его прав и законных интересов как кредитора должника, однако отсутствует указание на сопутствующую возможность инициировать реституционный иск.

ем в реестр требований залогового требования, по общему правилу возникают только при условии наличия соответствующей записи об обременении в ЕГРП. Применительно к рассматриваемому делу в регистрации договора ипотеки и самого обременения на его основании было отказано, впоследствии регистрирующий орган был обязан зарегистрировать договор ипотеки и внести в ЕГРП запись о возникновении соответствующего обременения на основании решения арбитражного суда. Коллегия пришла к выводу, что датой совершения сделки, которая имеет значение для соотнесения ее с периодом подозрительности, следует признать дату вступления в законную силу решения суда.

Выработанная в этом определении правовая позиция послужила важным фундаментом для дальнейшего развития намеченного подхода. Так, в одном из обособленных споров в рамках дела № А56-31805/2016 оспаривалась сделка отчуждения должником недвижимого имущества, совершенная 13 мая 2013 г. Суд первой инстанции отказал в признании ее недействительной по основаниям, предусмотренным пунктом 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в связи с тем, что возбуждение производства по делу о несостоятельности (банкротстве) состоялось спустя три года и четыре дня, то есть сделка отстала от периода подозрительности всего лишь на четыре дня.

Здесь нельзя удержаться от критического комментария о том, что очевидно неуместным является до сих пор существующий правоприменительный подход строгого соблюдения буквы закона в тех ситуациях, когда в условиях откровенно фраздаторной сделки решающим фактором ее спасения является не отсутствие, скажем, кредиторской задолженности на момент ее совершения или объективного банкротства, а банальное несовпадение периода оспаривания с датой совершения сделки, выраженное в календарных днях.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ при рассмотрении данного обособленного спора в определении от 09.07.2018

№ 307-ЭС18-1843 по делу № А56-31805/2016 указала, что при исчислении периода подозрительности в расчет надлежит брать дату *фактического вывода активов*, под которой подразумевается дата исполнения сделки путем отчуждения имущества: «конструкция купли-продажи недвижимости по российскому праву предполагает, что перенос титула собственника производится в момент государственной регистрации. Поэтому для соотнесения даты совершения сделки, переход права на основании которой (или которая) подлежит государственной регистрации, с периодом подозрительности учету подлежит дата такой регистрации».

Данный подход впоследствии стал активно применяться при рассмотрении судами нижестоящих инстанций аналогичных дел и нашел подтверждение в последующих определениях судебной коллегии ВС РФ по экономическим спорам⁴⁴, впрочем, строго в рамках обозначенных узких границ толкования и соотнесения периода подозрительности именно с датой государственной регистрации перехода (обременения) прав по сделкам с недвижимым имуществом. Однако, по сути, далеко не всегда фактически актив выводится именно в дату государственной регистрации перехода права. В частности, в ситуациях, когда государственная регистрация перехода права на жилое помещение произведена, однако снятие с учета продавца или членов его семьи по адресу местонахождения реализованного жилья состоялось гораздо позже, следует ли принять за дату фактического выбытия имущества именно наиболее позднюю из дат?

Всё же в настоящее время норму, регламентирующую порядок исчисления периода подозрительности для сделок отчуждения недвижимости, надлежит применять с учетом оговорки: с периодом оспаривания соотносится дата фактического вывода активов, то есть дата исполнения сделки. Если переход (обременение) права подлежит государственной регистрации, то необходимо ориентироваться на дату государственной регистрации перехода (обременения)

⁴⁴ См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.04.2024 № 310-ЭС15-7336(40) по делу № А62-7344/2013.

права либо дату вступления в законную силу судебного решения о таковой регистрации.

Следующую особенность определения периода оспаривания применительно к периоду предпочтительности Судебная коллегия сформулировала при рассмотрении обособленного спора в рамках дела № А40-188168/2014 (определение от 31.01.2020 № 305-ЭС19-18631(1,2)), в котором был поставлен вопрос о недействительности соглашения об отступном между должником и его бывшим участником, заключенным в процедуре наблюдения в рамках первого дела о банкротстве должника. Первое дело о банкротстве было прекращено впоследствии в связи с погашением требований всех включенных в реестр кредиторов. Менее чем через полгода после прекращения первого дела о банкротстве было возбуждено второе дело о банкротстве должника.

Судебная коллегия признала, что в данной ситуации второе дело является фактически продолжением первого дела, в том числе для целей исчисления периода подозрительности (предпочтительности). Одновременно были сформулированы условия, при которых можно признать транзит периода предпочтительности (подозрительности) из первого дела во второе:

- на момент возбуждения второго дела о банкротстве у должника остались текущие кредиторы;

- на момент возбуждения второго дела у должника имеются кредиторы, которые не успели включиться в реестр в рамках первого дела.

Следующим знаковым и очень важным, безусловно, является определение судебной коллегии ВС РФ по экономическим спорам от 04.03.2021 № 305-ЭС17-2507(21) по делу № А41-1022/2016, которым развивается намеченный подход к транзитному порядку исчисления периода предпочтительности (подозрительности) в случае передачи дела по подсудности, начиная с первого возбужденного дела о банкротстве, независимо от его последующей передачи в иной суд. В то же время более интересными и актуальными являются выводы: коллегия признает, что баланс интересов должника, кредиторов и его контрагентов по сделке, а также

стабильность гражданского оборота могут быть достигнуты посредством определения критериев подозрительности сделки и установления *ретроспективного периода глубины проверки сделки*, то есть фактически намечен отход от буквального толкования нормы п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве в части четкого срока, применяемого судом зачастую слишком конкретно, вплоть до календарных дней, в пользу правотворческого, когда допустимо отступление и изменение периода в целях поиска баланса интересов всех заинтересованных лиц.

Так, в данном обособленном споре судебная коллегия как бы подменяет *формальный* подход к определению периода подозрительности на *дискретный* ретроспективный период глубины проверки сделки и указывает на возможность его установления с учетом обстоятельств дела, которые, казалось бы, в данном случае уже привычны, судя по ранее высказанным подходам, и очевидны: передача дела по подсудности не «обнуляет» период подозрительности.

Однако здесь наиболее важны следующие тезисы, которые, видимо, заложены коллегией уже на будущие споры и намечены пока небольшими и неявными стежками. Коллегия обратила внимание на то, что за три года до возбуждения первого дела в Арбитражный суд города Москвы поступали заявления ряда лиц с требованием о признании должника банкротом, которые последовательно оставались судом без рассмотрения в связи с погашением управлением задолженности до дня проверки судом обоснованности заявления кредитора.

По мысли коллегии, установление ретроспективного периода оспаривания позволит проверить сделки, которые были совершены «в искусственно созданных самим должником условиях видимости его финансового благополучия, но в действительности были направлены на вывод ликвидных активов управления с недобросовестными целями». Из изложенного следует, что, по сути, период подозрительности может и не совпадать со своим нормативно определенным прототипом и даже выходить за его рамки ретроспективно и существенно.

Однако допущены важные оговорки, которые и делают сформулированный подход очень

осторожным: 1) при установлении данного периода проверки сделок важно учесть и то, что должник фактически продолжал свою хозяйственную деятельность, в том числе достраивал многоквартирные дома, то есть совершал и обычные хозяйственные сделки; 2) установление иного периода подозрительности не должно вести к дестабилизации сложившихся материальных правоотношений и само по себе не является основанием для пересмотра уже проверенных судами требований кредиторов должника.

Подобные подходы постепенно развиваются в судебной практике нижестоящих судов.

Так, в одном из дел должник в ходе выездной налоговой проверки реализовал всё свое ликвидное имущество, а впоследствии длительно оспаривал результаты выездной налоговой проверки. Это привело к тому, что ко времени возбуждения дела о банкротстве по заявлению налогового органа все самые интересные сделки в период подозрительности не вошли. По итогам пересмотра обособленного спора Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 19.09.2023 № Ф04-3929/2023 по делу № А70-6184/2021 пришел к следующему выводу: «Поскольку настоящее дело о банкротстве могло быть возбуждено Управлением ФНС России только по истечении трехлетнего срока после совершения должником указанных сделок, возможно, направленных на вывод активов из имущественной массы должника с целью воспрепятствования обращению на него взыскания по обязательным платежам, уполномоченный орган не может быть лишен такого эффективного способа защиты имущественных прав, как оспаривание подозрительных сделок и применение последствий в виде реституции (возвращение имущества должника в конкурсную массу по недействительным сделкам). Установление ретроспективного периода подозрительности позволило бы проверить спорные сделки как совершенные в созданных самим должником условиях, препятствующих возбуждению в отношении него дела о банкротстве и [способствующих] искусственному отдалению от даты совершения сделок периода подозрительности».

Любопытно, что в рамках этого дела, но по другим обособленным спорам, которые дошли до ВС РФ, в отказных определениях ВС РФ не исключается такая возможность, как уточнение периода подозрительности в случае, если в выше процитированном споре при новом рассмотрении будут установлены злонамеренные действия должника по *искусственному* изменению периода подозрительности.

Всё же, как показал пример обособленного спора по делу, обозначенному в самом начале статьи, далеко не все суды обращают внимание на данную практику и соглашаются отступать от буквального толкования нормы п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве в части исчисления периода подозрительности.

Выводы

Проведенный анализ правоприменительной трансформации подходов к исчислению периода подозрительности лишь подчеркивает сложившуюся на сегодняшний день острую потребность в изменении самой правовой нормы п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве в части его регламентации. Очевидно, что существует серьезный дисбаланс в урегулировании данного вопроса между нормами закона и практикой его применения: внеконкурсное оспаривание нормативно не закреплено, несмотря на обилие практики и научных изысканий, практика применения норм ст. 10, 168 (п. 2) ГК РФ к фraudаторным сделкам в рамках конкурсного оспаривания строго ограничена в связи с опасениями размытия границ общих и специальных оснований и злоупотреблений со сроками исковой давности, но в то же время очевидна яркая попытка правоприменителя перейти от нормативного подхода к исчислению периода подозрительности к дискретному ретроспективному периоду глубины проверки сделок должника. В такой расбалансировке весьма уютно себя чувствуют недействительные сделки должника из «серой зоны». Как видится, в рассматриваемой ситуации необходима как минимум законодательная работа: увеличение самой длительности периода подозрительности

применительно к фраздаторным сделкам; установление в качестве даты исчисления периода подозрительности — даты подачи заявления о несостоятельности (банкротстве) либо даты включения в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц

уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом; предоставление судам права дискретного определения (продления, изменения) периода подозрительности ретроспективно в определенном коридоре возможностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А. Г. Смирных. — М., 2019. — 264 с.
2. Гримм Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) // Вестник гражданского права. — 2010. — № 4. — С. 126–191.
3. Калугин В. Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2024. — 175 с.
4. Карелина С. А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. — 2012. — № 4. — С. 22–26.
5. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестник гражданского права. — 2017. — Т. 17. — № 3. — С. 205–294.
6. Крутий Е. А. Институт внеконкурсного оспаривания сделок, совершенных должником в ущерб интересам кредиторов: история становления в России // Вестник Ивановского государственного университета. — 2020. — № 2. — С. 26–34.
7. Кузлугуртова А. Ш. Искусственное изменение периода подозрительности по делам о банкротстве в практике Верховного Суда РФ // Вестник арбитражной практики. — 2021. — № 5. — С. 41–45.
8. Лотфуллин Р. К. Оспаривание сделок при банкротстве. — М., 2019. — 328 с.
9. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2020. — 1469 с.
10. Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 15 (2). — С. 105–112.
11. Суворов Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2022. — 655 с.
12. Телюкина М. В. Механизм Actio pauliana как конкурсно-правовой способ защиты интересов кредиторов // Минск : Право и экономика, 2014. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38535188.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).
13. Усачева К. А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. — 2017. — № 5. — С. 8–54.
14. Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. — Казань : Типография Императорского университета, 1898. — 499 с.
15. Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. — М. : Статут, 2018. — 239 с.
16. Restructuring & Insolvency. Getting the Deal Through / by B. Leonard. — 2017. — 406 p.
17. Wood P. R. Principles of International Insolvency. Part 2. — London : Sweet & Maxwell, 2007.

Материал поступил в редакцию 29 мая 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Golmsten A. Kh. Uchenie o prave kreditora oprovergat yuridicheskie akty, sovershennye dolzhnikom v ego ushcherb, v sovremennoy yuridicheskoy literature / pod red. A. G. Smirnykh. — M., 2019. — 264 s.
2. Grimm D. D. Osparivanie aktov, sovershennykh vo vred kreditoram (po povodu zakonoproekta, vnesennogo v Gosudarstvennuyu Dumu) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2010. — № 4. — S. 126–191.
3. Kalugin V. Yu. Materialno-pravovye i protsessualnye aspekty zashchity ot konkursnogo osparivaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2024. — 175 s.
4. Karelina S. A. Podozritelnye sdelki v protsesse nesostoyatelnosti (bankrotstva): pravovye problemy osparivaniya // Predprinimatelskoe pravo. — 2012. — № 4. — S. 22–26.
5. Kotsiol Kh. Osnovy i spornye voprosy osparivaniya deystviy dolzhnika, sovershennykh vo vred ego kreditoram (nachalo) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2017. — T. 17. — № 3. — S. 205–294.
6. Krutiy E. A. Institut vnekonkursnogo osparivaniya sdelok, sovershennykh dolzhnikom v ushcherb interesam kreditorov: istoriya stanovleniya v Rossii // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2020. — № 2. — S. 26–34.
7. Kuzulgurtova A. Sh. Iskusstvennoe izmenenie perioda podozritelnosti po delam o bankrotstve v praktike Verkhovnogo Suda RF // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2021. — № 5. — S. 41–45.
8. Lotfullin R. K. Osparivanie sdelok pri bankrotstve. — M., 2019. — 328 s.
9. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateynny kommentariy k statyam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / A. V. Asoskov, V. V. Baybak, R. S. Bevzenko [i dr.]; otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2020. — 1469 s.
10. Sviridenko O. M. Osparivanie sdelok vo vred kreditoram vne protsedury bankrotstva (vnekonkursnoe osparivanie) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — № 15 (2). — S. 105–112.
11. Suvorov E. D. Problemy realizatsii printsipa ravenstva kreditorov nesostoyatel'nogo dolzhnika: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2022. — 655 s.
12. Telyukina M. V. Mekhanizm Actio pauliana kak konkursno-pravovoy sposob zashchity interesov kreditorov // Minsk: Pravo i ekonomika, 2014. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38535188.pdf> (data obrashcheniya: 27.05.2024).
13. Usacheva K. A. Vnekonkursnoe osparivanie povedeniya dolzhnika, prichinyayushchego vred ego kreditoram: rossiyskoe pravo i evropeyskaya pravovaya traditsiya // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2017. — № 5. — S. 8–54.
14. Shershenevich G. F. Konkursnoe pravo. — Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1898. — 499 s.
15. Shishmareva T. P. Nedeystvitelnost sdelok i deystviy v protsedurakh nesostoyatelnosti v Rossii i Germanii. — M.: Statut, 2018. — 239 s.
16. Restructuring & Insolvency. Getting the Deal Through / by B. Leonard. — 2017. — 406 p.
17. Wood P. R. Principles of International Insolvency. Part 2. — London: Sweet & Maxwell, 2007.